

ПО ПУТИ

Знакомый мой, Николай Иванович, человек скрупулёзный в делах и помыслах, не лишённый чувства юмора и наделённый чрезвычайной ответственностью перед обществом, потому холостой, хотя привычки имеет постоянные.

Некогда он каждый год наезжал в благодатный Крым, используя законный отпуск для оздоровления организма и культурного отдыха.

Было это, когда железнодорожные билеты ещё можно было приобретать без предъявления паспорта. Ещё то далёкое время известно тем, что пиво в пивных усталые граждане пили из кружек, а не из пол-литровых банок, как нынче. А на каждом углу стояли и исправно утоляли жажду горожан автоматы с газированной водой. Что примечательно, при каждом из них имелся обыкновенный гранёный стакан, который никуда не пропадал, хотя не был прикован к автомату цепью. Словом, странное было время.

Ездил Николай Иванович к морю всегда в начале июля и останавливался в одном и том же месте: привечала его на постой некая Алевтина Петровна, вдова средних лет, законная владелица небольшого домика в большом крымском поселке на берегу моря.

Как уж там они проводили время, не знаю – а надо заметить, что мой знакомый был холост и возраст имел тоже средний, – но когда Николай Иванович упоминал в своих рассказах Алевтину Петровну, глаза его делались тёплыми и влажными, туманя толстые стёкла очков, а дыхание заметно учащалось.

Но ни к чему заострять внимание читателя на отношениях этих достойных людей, ибо граждане взрослые и свободные – теперь мы это знаем уже точно – имеют право на личную жизнь. Сам я в подробности отдыха своего знакомого никогда не лез, и читателю, пожалуй, не позволю. Речь пойдёт о другом.

Билеты Николай Иванович заказал загодя, а в назначенный день собрал нехитрый свой багаж и в хорошем настроении отбыл на вокзал. Пешочком – благо идти недалеко.

Родной город, провожая одного из своих жителей, ласково кивал лохматыми липами, щурился предзакатным солнцем. Милиционеры на перекрестках брали под козырёк. Продавщицы мороженого глядели приветливо, чуть завистливо. Человек едет в отпуск! А куда он едет? Да, конечно же, в Крым! Разумеется, к тёплому морю, жаркому солнцу, кипарисам и персикам!..

Перрон за окошком дёрнулся и медленно поплыл. Николай Иванович расслабился и приготовился к долгому, но приятному ожиданию.

Бог знает почему, но вагон южного поезда был полупустым. Во всяком случае, в купе Николай Иванович ехал один, и это его даже радовало: никто не будет приставать с предложениями выпить «на путь» и непременно затем душевными разговорами.

В окне неторопливо качался родной среднерусский пейзаж со скирдами на горизонте, косарями на взгорках, коровами в луговых низинах.

Забегая вперед, скажу, что вдосталь насладиться блаженным одиночеством Николаю Ивановичу было не суждено.

За верхушки елей на горизонте ещё цеплялось не желавшее уходить на покой солнце, а в купе сквозь грязноватое стекло уже вползали мягкие летние сумерки. Проводница, полноватая женщина усталого возраста, уже разносила вечерний чай.

Николай Иванович любил пить чай в поезде. Здесь всё было необычным: вместительный стакан тонкого стекла уютно покачивался в тяжелом мельхиоровом подстаканнике; сахар, упакованный в брикетик с изображением надвигающегося на тебя, как в картине братьев Люмьер, поезда и надписью «Дорожный», казался слаще, чем в обычной, оседлой, жизни; да и сам чай, заваренный кипятком из вагонного «титана», был, вроде, ароматнее и терпче.

Позвякав в стакане ложечкой, Николай Иванович готовился уже отхлебнуть обжигающего напитка, когда дверь купе со скрежетом отъехала в сторону.

— Здравсте, — произнесло существо, возникшее в проёме.

Существо оказалось особой женского пола лет тридцати с небольшим. А не разглядел этого сразу Николай Иванович только потому, что женщина со всех сторон была обвешана сумками, над которыми виднелась лишь её голова в повернутой козырьком назад кепке.

Слегка досадуя на нарушительницу его одиночества, Николай Иванович помог ей рассовать бесчисленные сумки по багажным ящикам и сел на своё место, уткнувшись в кроссворд.

Женщина покрутилась возле зеркальной двери и пристроилась напротив попутчика. Помолчав, она сообщила:

— В Курске была, у родственников.

Николай Иванович пожал плечами и покосился на неё поверх очков. Не красавица, но миловидная. Особенно, когда без дурацкой кепки и причесанная.

— У меня восемнадцатое. У вас какое? — спросила она, сверившись с билетом.

Николай Иванович молча кивнул на стол, где лежал его билет, приготовленный для предъявления проводнице.

Обидевшись, что беседы не получается, попутчица демонстративно отвернулась к окну, за которым становилось всё темнее.

Снова скрежетнула дверь. Отчаянно пытаясь, в неё протиснулась ещё одна женщина, волочившая за собой огромный чемодан на колесиках.

— Меня сначала в четвёртое, а потом вот к вам! — радостно завопила она, справившись с чемоданом. — Там грузины едут. Трое. А я одна. Я их жуть как боюсь! А теперь к вам...

— Из Курска, от родственников? — строго спросил Николай Иванович, не давая монологу развиваться по круговой системе.

— Да... А вы откуда знаете?... — опешила словоохотливая.

— У вас девятнадцатое? — напирал Николай Иванович.

Она кивнула уже испуганно и сникла окончательно. Села на край нижней полки возле самой двери и, забыв про чемодан, принялась разглядывать свои ногти.

Николай Иванович забросил торчащий в проходе чемодан на колесиках в багажный ящик и вышел покурить.

Возвращаясь из тамбура, он встретил проводницу и хотел уже пройти мимо, но не тут-то было.

— Пассажир, — поймав его за пуговицу, прогнусавила проводница, — билетик я ваш забрала. Постель брать будете? Сейчас принесу.

Дамы в купе сидели уже рядом, нарочито не глядя в сторону Николая Ивановича, что давало тому удобную возможность рассмотреть их внимательно.

Удивительное дело, женщины были похожи друг на друга, словно родные сёстры: приблизительно одного возраста, обе коротко стриженные шатенки, у обеих серые глаза, сейчас светившиеся неприязнью, одинаково вздёрнутые носы одинаково вздрагивали от надменности. Даже блузки у женщин были почти одинаковые: светло-серые в черный горох. Сами дамы своей похожести, пожалуй, не замечали, а интуитивно объединились скорее против Николая Ивановича.

Со стуком, по-хозяйски, снова распахнулась дверь купе. Высунувшись из-за стопки белья проводница опять спросила:

— Постель брать будете?

— Будем-будем!.. — захлопотали женщины.

Обеспечив обеих бельём и взяв с каждой по рублю, проводница повернулась к Николаю Ивановичу:

– А вы, пассажир?

Почему-то именно к нему она решила прилепить кличку «Пассажир». Ничего обидного в этом не было, но Николай Иванович неожиданно разозлился.

– Давайте. Наволочку и простынь, – холодно сказал он.

– А пододеяльник? – хитро прищурясь, будто в чём подозревая коварного пассажира, осведомилась проводница.

– Не надо.

Проводница дёрнула плечом, говоря этим жестом что-то вроде «Как хотите» или «Желание пассажира – закон», пошевелив губами, отслюнявила из стопки два предмета белья и небрежно бросила на нижнюю полку. Бельё сыро шлёпнуло по дерматиновому покрытию.

– Рубль, – оценила свои действия проводница.

Николай Иванович порылся в кармане, извлёк горсть мелочи, отсчитал пятьдесят копеек и положил на стол.

Цепко схватив монетки, проводница обиженно заявила:

– Пассажир, ещё полтинник.

– Хватит. Я же не беру пододеяльник.

– Мне какое дело, что вы не берёте? – заверещала проводница. – Бельё в комплекте! Комплект стоит рубль!

– Так, – Николай Иванович расположился поудобней и закинул ногу на ногу. – Давайте считать. Комплект стоит один рубль. В комплекте три предмета. В рубле сто копеек. Материи на простынь и наволочку уходит столько же, что и на пододеяльник, даже чуть меньше. Так?

Мысленно обмерив перечисленные предметы, проводница согласилась.

– Пододеяльник я не беру, тем самым высвобождая его для кого-то другого, – Николай Иванович машинально не сказал «пассажира», быстро привыкнув к тому, что этот ярлык уже его. – Иными словами, я сокращаю расходы вашего ведомства на стирку и глажку данной единицы белья. А учитывая – и вы со мной согласились – то, что пододеяльник всё же больше, а следовательно, и дороже, двух других единиц вместе взятых, то, отдавая вам пятьдесят копеек, я переплачиваю. С какой, позвольте спросить, стати? Верните мне десять копеек.

Проводница шарахнулась к двери и... метнулась обратно, испугавшись своего обалдевшего зеркального отражения.

– Я с вами ещё разберусь, пассажир, – пообещала она, убегая по коридору в сторону своего купе. – Я бригадира позову!

Соседки по купе смотрели на Николая Ивановича, округлив глаза и сидя тихо, как мыши в присутствии кошки. Они даже взялись за руки, чтобы было не так страшно.

Впервые за сегодняшний вечер Николай Иванович улыбнулся.

— Ну что, давайте знакомиться? — весело спросил он. — Меня зовут Николай Иванович. А вы, наверное, Зита и Гита?

Женщины переглянулись и робко заулыбались. Индийское кино они любили.

— Люба, — первой представилась вторая попутчица, которая с чемоданом. Она явно была побойчей.

— Эля, — сказала сидящая у окошка и тут же поправилась: — Эльвира.

— Вот и хорошо. У вас, Люба, верхняя полка? Предлагаю поменяться — я, знаете ли, люблю наверху спать.

— Вы же пожилой... — попыталась сопротивляться Люба, не замечая бестактности своего замечания.

— Пожилой не значит старый, — браво ответил Николай Иванович и вышел на перекур, предоставляя женщинам возможность переодеться.

Час спустя все втроем пили коньяк, выставленный Николаем Ивановичем, закусывая аппетитными пирожками, извлечёнными из сумки хозяйственной Эльвиры, и весело резались в подкидного «дурачка».

За окном в плотной тьме мелькали редкие фонари, колёса дробно постукивали на стыках, проводница более не докучала. Вагонная жизнь прочно стала в свою колею.

— Какой же вы зануда, Николай Иванович! Ловко вы её, — веселилась нетактичная Люба, имея в виду проводницу. — А их так и надо. Знаете, какие они «бабки» делают на безбилетниках?.. Вы какой туз-то кладёте? Валет бубновый, разве не видите?

— Пардон, пардон. Мы его козырем, — Николай Иванович близоруко щурился. — А проводницу я не хотел обидеть — нашло что-то. Утром извинюсь.

— Ни в коем случае! — горячо возражала Люба. — Пусть знают, с кем имеют дело!

— И простыни у них всегда мокрые... влажные, — по обыкновению Эльвира поправляла сама себя.

— Эля, у вас потрясающие пирожки, — Николай Иванович изо всех сил старался развеять первое впечатление о себе, которое наверняка сложилось у девушек после инцидента с проводницей.

Вскоре уgomонились. Николай Иванович не без труда вскарабкался на верхнюю полку и блаженно растянулся на постели. Вагон покачивало, колёса стучали убаюкивающе, внизу уютно шептались, в общем-то, милые попутчицы. Да и бельё было не таким уж сырым...

Странный шум разбудил Николая Ивановича. Внизу что-то явно двигалось: слышалось сопенье, глухие стуки, всхлипы. Ожидая чего угодно, поэтому стыдливо прячась за край полки, Николай Иванович посмотрел вниз. То, что он увидел, было страшнее самых смелых предположений.

Озаряемые спазматическими всполохами пролетающих за окном фонарей, ужасные в своей решимости, дрались его милые попутчицы. Молча дрались, жестоко.

Если вам скажут, что есть на свете что-то страшнее женской драки – не верьте. Нету. Перед ней меркнут ужасы всех войн и катастроф. От этого зрелища стынут и разрываются сердца у самых мужественных людей. Оно настолько противостоит, что пытаться оформить его словами бессмысленно.

Николай Иванович слетел с полки, ни на миг не вспомнив о своих подагре и радикулите.

– Девочки, девочки, что же вы делаете, а? – лепетал он, суется возле двери. Больше всего ему хотелось оказаться в другом поезде или вовсе умереть, только бы не видеть, как погибает женское начало мира...

– Я знала, я знала!.. – удовлетворённо кричала проводница и понижала голос, обращаясь к бригадире: – Пятое купе... Я вам говорила. Здесь обязательно должно было что-нибудь случиться!

Бригадир поезда, круглый, уютный какой-то мужичок, устало прикрывал глаза и вяло отмахивался:

– Разберёмся.

Он сел возле просветлевшего уже окна, промокая платком розовую лысину, и, кажется, действительно собирался разобраться.

«Хулиганки» сидели друг против друга красные и решительные. Между ними, на случай возобновления беспорядков, стоял милиционер. Николая Ивановича как единственного очевидца драки выгонять из купе не стали.

– Итак, что случилось? – сначала бригадир направил вопрос в сторону Эльвиры.

– Что случилось! Это вы у меня спрашиваете, что случилось! Это я у вас спрашиваю, почему продаёте билеты всяким жуликам!? Ну вы посмотрите – он у меня спрашивает!..

Николай Иванович мог ожидать такой словесной агрессии от Любы, но никак не от застенчивой Эльвиры, и на всякий случай отодвинулся от неё подальше.

Бригадир утомлённо произнёс:

– Ну что вы кипятитесь, гражданка. Разберёмся. Кто жулик?

– А вот эта, – Эльвира махнула головой в сторону Любы, не глядя на неё.

– Я тебе глазёнки-то выдеру, – пообещала Люба, а милиционер напрягся.

Бригадир поморщился, как от зубной боли, и сказал Любе:

– Помолчите пока. Вашу версию мы заслушаем позже. Продолжайте, – снова обратился он к Эльвире.

– Я уже задремала... Спала уже, как вдруг... Я ж ведь этой гадине спокойной ночи, как дура, пожелала!.. Так вот, кто-то будто в бок меня толкнул: «Просыпайся», говорит. И точно, вижу: эта воровка в сумке моей под столом шурует, ворует-грабит меня белым днём!..

– Ну, положим, была тёмная ночь, – поправил бригадир.

– Вот-вот, под покровом темноты вершит своё чёрное дело!

– Дальше, – бросил бригадир.

– А дальше, чего уж дальше... Врезала я ей. А кто б на моём месте не врезал? Вы бы врезали, Николай Иванович?

Николай Иванович от неожиданности вздрогнул и промычал что-то невразумительное.

Бригадир с интересом посмотрел в его сторону, будто тоже хотел знать, врезал бы Николай Иванович или нет.

Николай Иванович поспешно отвернулся к окну и стал рассматривать степной пейзаж.

Тем временем бригадир, решив, что с Эльвирой всё ясно, принялся за Любу. Та поджимала губы, бычилась и отвечала неохотно.

– Воровкой меня выставили, ладно. А только не было ничего этого.

– Что, драки не было? – не понял бригадир.

– Драка была – сами видели, а больше ничего не было.

– То есть в сумку этой гражданки вы не лазили?

– Лазили...

– И что?

– А то! – взорвалась вдруг Люба. – А то, что я уснуть два часа не могла – у неё в сумке бутылки друг о дружку брякают, а я заснуть не могу! Вот и полезла поправить...

Все дружно прислушались. Даже молоденький сержант вытянул шею и открыл рот. В сумке под столом брякало до сих пор.

- Любаш, – подала голос Эльвира. – Выходит, я зря тебе синяк поставила?
- Дура ты, Элька. Хоть бы спросила сперва.
- Не обижайся, Люб, я ж спросонья.
- Да ладно.

Разрешилось всё удачно. Бригадир хотел ссадить женщин с поезда за нарушение общественного порядка, но за них заступился Николай Иванович, пообещав, что больше ничего с ними не приключится, и он за этим лично присмотрит. Смягчилась даже вредная проводница, сказав: «Пусть едут. Бедовые девки – будет что вспомнить».

Отпраздновать примирение подруги пожелали в вагоне-ресторане. Звали и Николая Ивановича, но он не пошёл, извинившись: «С вами, девчонки, как-то... стрёмно». Охотно согласились бы сопроводить весёлых женщин грузины из четвёртого купе, но им этого никто не предложил. Да и Эльвира с Любой в конце концов никуда не пошли, а весь оставшийся путь сидели обнявшись, пели песни и признавались друг другу в вечной дружбе.

Поразительная их схожесть продолжила являть чудеса: выяснилось, что они – землячки, то есть живут в почти соседних (что там, полсотни вёрст по степи!) станциях; а замужем, пусть не за близкими, но всё же родственниками – троюродными братьями, что ли.

Попутчицы сошли в Мелитополе, чмокнув на прощанье смущенного Николая Ивановича в обе щеки. А вскоре и он прибыл к месту назначения.

На этом история, собственно, и закончилась. Остаётся сказать, что отдыхал Николай Иванович в Крыму в последний раз – в этот же год грянули в стране известные события, и Крым сразу стал заграницей, недоступной простому служащему.

Трогательная переписка с Алевтиной Петровной рухнула не сразу, не как страна, но постепенно тоже угасла.

Николай Иванович вышел на пенсию и проводит теперь свой заслуженный отдых, копаясь в огородишке в самом центре такой огромной России.